

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

Работа Юрия Крижанича над русской летописью

Сочинения Ю. Крижанича, написанные в 1663—1680 гг., свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с историческим прошлым Русского государства. В «Политике» и в книге «О промысле божьем», в «Толковании исторических пророчеств» и в «Истории о Сибири» он свободно оперирует фактами, относящимися к различным периодам русской истории, привлекая исторические данные для обоснования своих взглядов на состояние России и на перспективы ее развития.

Эрудиция Крижанича в вопросах истории России вполне объяснима: сохранились материалы, отражающие работу ученого хорвата над русскими историческими источниками, и прежде всего над русской летописью.

1

В литературе, посвященной Крижаничу, не раз упоминалось о его рукописи, содержащей выписки из различных исторических источников. Впервые разыскал эту рукопись неутомимый П. А. Безсонов, назвавший ее «Историей» и поместивший краткое описание найденного им текста в одной из своих статей о Крижаниче.¹ Еще более краткое описание рукописи дано в статье Н. Е. Северного.² И наконец, В. Ягич посвятил «Истории» Крижанича целый раздел своей монографии.³

Судя по этим описаниям, рукопись Крижанича содержала 610 страниц (причем 1—22-я страницы не сохранились) и состояла из нескольких сшитых вместе тетрадей, в которых находились выписки из русской летописи, из книг П. Петрея, М. Кромера, Ц. Барония, Ф. Комина и из Библии. Поскольку в сочинениях Крижанича широко используются все эти источники, то изучение его рукописи представляло бы значительный интерес для исследователей творчества Крижанича.

Но рукопись эта, хранившаяся в Московской синодальной библиотеке, к сожалению, утеряна. И все же о наиболее интересной ее части — о выписках Крижанича из русской летописи — мы можем получить точное представление.

Дело в том, что П. А. Безсонов в 1848—1849 гг. с присущей ему тщательностью переписал первую часть «Истории», сохранив все особен-

¹ П. А. Безсонов. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. — Православное обозрение, 1870, январь, стр. 348—352.

² Н. Е. Северный. Отчет о занятиях при столичных библиотеках и архивах в вакационное время. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, стр. 134.

³ V. Jagić. Život i rad Jurja Križanića. Zagreb, 1917, стр. 247—255. В. Ягич не видел ни одной из рукописей сибирских сочинений Крижанича и писал о них лишь на основе печатных источников. Об «Истории» же он судил по неопубликованной статье П. А. Безсонова, написанной в 1860 г. и оказавшейся у В. Ягича.

ности языка, орфографии и пунктуации Крижанича. Рукопись П. А. Безсонова находится сейчас в Библиотеке Академии наук УССР во Львове.⁴

Изучение этой безсоновской копии «Истории» приводит к выводу, что рукопись Крижанича представляла собой свод выписок из русской летописи, расположенных в хронологическом порядке и охватывающих множество важнейших событий русской истории. Русский текст Крижанич, как и в ряде других случаев, переписывал латинскими буквами, иногда заменяя русские слова хорватскими. На полях рукописи имелись пометки Крижанича, служившие заголовками соответствующих разделов текста. Некоторые из этих заголовков выражают оценку Крижаничем описываемых событий: «Борис (Годунов, — А. Г.) дарливостью людей ловит», «Борис царь верло промыслив и добер з початка», «тервога в болярех», «описание чужевладства».⁵

Свыше половины текста посвящено периоду XVI—XVII вв., причем особенно подробно описано правление Бориса Годунова (лл. 63—73) и события 1608—1612 гг. (лл. 81—98). Заканчивается рукопись заметкой о смерти патриарха Иосифа и возведении на патриаршество Никона (1652 г.).

В конце текста Крижанич, по своей привычке, указал дату окончания работы над летописью: 8 января 1662 г.⁶

2

Внимание исследователей уже давно занимал вопрос об источнике Крижаничевой «Истории». В самой рукописи содержится лишь упоминание о том, что переписчик летописи был, по мнению Крижанича, украинцем и что летопись эту Крижанич привез с собой в Тобольск из Москвы. Ввиду явной недостаточности этих данных вопрос об источнике «Истории» мог быть решен лишь путем сопоставления ее с памятниками русского летописания XVII в.

Уже П. А. Безсонов обратил внимание на совпадение сведений об одной из рукописей Погодинского древнехранилища, описанной И. Д. Беляевым,⁷ с содержанием «Истории» Крижанича, причем совпадала не только структура обоих памятников: приведенным Беляевым цитатам из летописного текста полностью соответствовали аналогичные фрагменты рукописи Крижанича.

В недавнее время Л. В. Черепнин указал на то, что упомянутая Беляевым погодинская рукопись⁸ не является уникальной, а представляет собой один из списков летописного сборника, составленного, по мнению Л. В. Черепнина, в конце 1660—начале 1661 г. и дошедшего до нас во множестве списков.⁹ Сравнивая «Историю» Крижанича с погодинской рукописью и с другими списками этого сборника, озаглавленного «Книга, глаголемая Летописец великия земли Российския славянского языка...»,¹⁰

⁴ БАН УССР, Рукописный отдел, Manuscripta instituti Ossoliniani, № 2163, лл. 1—106. (В дальнейшем: Копия «Истории»).

⁵ Там же, лл. 44, 64, 65 об., 81 об.

⁶ Там же, л. 102 об.

⁷ Архив историко-юридических сведений, 1850, кн. I, отд. 6, стр. 30—32.

⁸ Ныне: ГПБ, Рукописный отдел, собр. Погодина, № 1406.

⁹ Л. В. Черепнин. «Смута» и русская историография XVII в. — ИЗ, т. 14. [М.], 1945, стр. 111—113.

¹⁰ Например, список Рукописного отделения ГПБ F.IV, 297. (В дальнейшем: «Летопись»).

можно убедиться, что структура «Истории» и всех списков указанной летописи совершенно аналогична и большинство фрагментов «Истории» текстуально совпадает с летописью. Таким образом, можно с достоверностью утверждать, что источником «Истории» Крижанича был один из списков самого свежего из тогдашних летописных трудов.

Сопоставление текста «Истории» Крижанича и летописного сборника 1660—1661 гг. дает возможность выяснить характер работы Крижанича при составлении выписок из летописи и определить место «Истории» в ряду других трудов хорватского ученого.

Сохранившаяся часть «Истории» начинается с рассказа об убийстве Бориса и Глеба, но, судя по составленному Крижаничем указателю («Казалу»), на первых страницах рукописи были помещены заметки, относящиеся к самому раннему периоду русской истории. Выписки Крижанича последовательно воспроизводят летописные известия, отличаясь от них лишь краткостью изложения событий. Современный читатель назвал бы рукопись Крижанича конспектом, в котором фрагменты, извлеченные из источника, связаны между собой фразами и заголовками, принадлежащими самому автору конспекта. Эти связующие предложения очень кратки и выполняют чисто служебную роль.

В отборе фрагментов летописи переписанных Крижаничем, можно проследить известную тенденцию:

а) Крижанич дословно переписывает сообщения летописца о славных подвигах русского народа и других славян и о их былом могуществе (об успехах в борьбе с татарами, о совете Магнуса Шведского остерегаться войн с русскими и т. д.);

б) выписаны летописные известия, которые, по мнению Крижанича, унижали достоинство русского народа и поэтому нуждались в критике или в переосмыслении (о дарах императора Константина Владимиру Мономаху, о браках с иностранными монархами);

в) со страниц летописи, посвященных Ивану IV, Крижанич выписывает главным образом те рассказы, которые совпадают с его представлением об Иване Грозном как о «тиране и людодержце»;

г) в разделе «Описание чужевладства» Крижанич сохраняет эмоциональную окраску текста своего источника и все известия о хозяйничаньи чужеземцев на Руси приводит без сокращений;

д) почти дословно приводятся известия о народных волнениях и мятежах; так, например, под рубрикой «Побука на Москве» приведена заметка летописца о восстании 1648 г., многократно упоминаемом в последующих сочинениях Крижанича.

Выписки Крижанича в большинстве случаев точно воспроизводят текст летописи и лишь иногда содержат разночтения. Например:

Летопись

«История» Крижанича

... глаголют бо яко и преставление царя Федора Иоанновича от того же Бориса бысть, не оружием бо, но отравным зельем умори.

... глаголют бо и представление царя Федора от несправедного убийства того же Бориса, не оружием бо, не отравным зельем вкуси (I)¹¹

Сравнение «Истории» Крижанича с текстом использованной им летописи показывает, таким образом, что «Историю» нельзя относить к числу сочинений Крижанича, а надо рассматривать лишь в качестве вспомогательных записей, рабочего конспекта, черновых материалов для дальнейшей работы.

¹¹ «Летопись», л. 107; Копия «Истории», л. 65.

Однако подобная оценка не исключает того, что «История» имеет большое значение для исследователей сочинений Крижанича. Ведь благодаря изучению «Истории», отражающей работу Крижанича над одним из важнейших источников его сочинений, можно найти корни эрудиции Крижанича в вопросах русской истории, определить степень самостоятельности его в оценке исторических событий и с позиций Крижанича взглянуть на те летописные известия, которые были подвергнуты Крижаничем резкой критике в «Политике» и в «Толковании исторических пророчеств».

3

В своих сочинениях Крижанич не только заострял и политически переосмысливал летописный материал (оценка деятельности Ивана IV, русской внешней политики и т. д.), но и прямо выступал против русской летописной традиции по ряду важных вопросов.

Во всех книгах Крижанича настойчиво проводится мысль о том, что Русское государство не следует считать преемником ранее существовавших держав (Рима и Византии), якобы передавших России частицу своего могущества, ибо слава и величие России возникли в ходе ее собственного развития, поскольку «всемогущий створитель Московско царство послидне на земли устроил и прославил; тако е хочет цело и непоколебно и до скончания века милостиво сохранить».¹²

Эта позиция Крижанича определялась его желанием обосновать историческую роль России как могучей державы, способной возглавить дело объединения славян, а также была вызвана церковно-религиозными планами католика Крижанича, стремившегося доказать отсутствие какой-либо преемственности между Византией и современной Русью и тем самым ослабить связи русской церкви с греческой церковью.

С этой позиции Крижанич выступает против распространенной в то время «теории четырех монархий» и ее русского варианта — теории «Москва—третий Рим»; с этой же позиции он подвергает критике ряд летописных известий.

Так, рассматривая историю о Гостомысле и о «призвании варягов», Крижанич упрекал русских летописцев в том, что они «сами об себе мало-похвальные басни пишут, будь беху негда были варягов упрашали на господство».¹³ Он раскрывает исторические и логические ошибки и неточности этого летописного известия: явная искусственность имени Гостомысла («Гостомысл наречен: будто умыслил гости привесть»), отсутствие сведений «об Рурику и об Варягах» в «немецких» источниках («нимцы се мучет гадаючь, а немогут се догадать, каковы то Нимцы бяху Варяги: и како бы их в Немецком языке звать»), антиисторичность летописного рассказа об отправке новгородских послов в «Варяжскую Прусскую землю» к «тамошним курфистрам» — ведь в то время не существовало еще курфюрстов, не говоря о том, что «немцы» не жили еще тогда в Прусской земле. Наконец, Крижанич справедливо отмечает отсутствие логики в том, что новгородцы «промышляючи, како беху могли учинитсе просты от межусобного незгодия... послали сут да упрашать не едного, но трех кнезов инородных».¹⁴

¹² Ю. Крижанич, Собр. соч., в. 2, М., 1892, стр. 11. Ср. рукопись «Политики» (ЦГАДА, ф. 381, № 1799, стр. 638): «Русское царство — наилучшее на земле и ему предназначена богом и наивысшая слава».

¹³ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, М., 1859, стр. 196.

¹⁴ Рукопись «Политики», стр. 679—680.

Крижанич так рьяно выступал против «варяжской легенды», потому что она отрицала автохтонность русской государственности, возводила род русских князей к варягам — «немцам» и доказывала, «яко дабы... без Немецкого племени, немегом племенит и славен быть Руский народ».¹⁵

Крижанич считал ошибочным и вредным мнение о том, что московские князья — «Рюриковичи» — ведут свой род от Пруса, брата римского императора Августа. Путем несложных генеалогических построений Крижанич доказывает несостоятельность этой версии и утверждает, что из-за нее «не мала народу срамота чинит: яко да бы не было в Руском народу человека годна владательству: и будто да быху древни Руски господари не домашни, но приискательны люди были».¹⁶

Если в приведенных выше случаях Крижанич отрицал достоверность летописных известий, то в других случаях, не высказывая сомнения в подлинности описанных событий, Крижанич давал им толкование, совершенно отличающееся от принятого в русском летописании. Так, например, в рассказе о дарах императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру русские авторы видели доказательство могущества русских князей, возвративших силой оружия, принадлежащие им по праву царские регалии.¹⁷ В освещении Крижанича все это выглядит совершенно иначе: «Мономах прислал предшественнику нашему Владимиру знаки царского достоинства и с помощью этой хитрости обесчестил наш народ. Как будто бы тот, кто хотел оставаться царем, должен был искать почести не от единого бога, а от какого-либо более высокого человека».¹⁸ Подобное мнение приводит Крижанича к выводу о том, что русский царь должен «вторично короноваться нашей русской короной, и тогда все дары и регалии Мономаха потеряют свое значение и будет совершенно разрушено суетное и еретическое мнение о том, что мы получили истинную власть и достоинство не от бога, а от кого-либо иного».¹⁹

Крижанич особенно упорно стремился покончить с «мономаховой легендой», ибо она более всего выражала идею преемственной связи между русскими царями и византийскими императорами и тем самым мешала ему в достижении его цели: доказать извечную самостоятельность русского самодержавия и одновременно устранить преграды, отделявшие Россию от католического мира.

Приведенные примеры показывают, что Крижанич, так же как и русские летописцы, стремился поднять международный авторитет Московского государства и укрепить престиж царской власти с помощью аргументов, заимствованных из отечественной истории. Но русские авторы шли к этой цели путем доказательства происхождения русских правителей (Август—Рюрик—Владимир...) и Русского государства (Рим—Византия—Москва) от каких-либо других «великих» государей и государств, а Крижанича подобный путь уже не удовлетворял.

Крижанич видел в русских историко-политических теориях не возвышение, а унижение достоинства абсолютного монарха и поэтому настойчиво полемизировал с московской литературной традицией. По его мнению, для исторического оправдания московского абсолютизма необходимо было устранить какую бы то ни было возможность оспаривать

¹⁵ Там же, стр. 680.

¹⁶ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 2. М., 1860, стр. 291.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 104.

¹⁸ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, стр. 349.

¹⁹ Там же, стр. 351.

богоустановленность и изначальную самостоятельность власти русских государей. А так как русские теории этой задачи не выполняли, то их следовало опровергнуть, чтобы затем, избавившись от этих «збаяных басен», написать новую «годную» историю Руси.

Крижанич сам стремился осуществить этот труд, предлагая свои услуги царю в качестве историографа.²⁰ Книга его выписок из различных исторических источников свидетельствует о том, что Крижанич в Тобольске принялся за эту работу. Но в дальнейшем его планы изменились, и вместо специального труда по русской истории Крижанич пишет другие книги, в которых использует исторический материал, накопленный им в процессе работы над русской летописью.

²⁰ «Яз адда негодный есмь желел видеть списану обо всем народу такову историю» и поэтому пришел к царю «бить челом, и просить жалования потребного к извершению такова дела: кое бых рад хотел выконать» ([Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 2, стр. 2).